

Я вижу их - бредущих сквозь века,
у каждого свой хлеб, своя котомка,
и на груди висящая картонка,
где чёрным имя выписано тонко,
Как приговора смертная строка.
Я вижу их - детей, мужей, отцов,
Ищу живых, но и уже погибших,
а кто-то шепчет рядом, будто пишет:
"пусть мертвые хоронят мертвецов".
Они идут, идут за шагом шаг:
в лохмотьях, в опаленных гимнастерках,
в трофейных сапогах, до крови стертых -
шагает обнаженная душа.
Но кто-то рядом шепчет им в лицо -
"ты жив, не видел этого, и ладно,
война прошла, и ворошить не надо,
"пусть мертвые хоронят мертвецов".
А строй идет, идет по площадям,
по улицам, со стоном и надеждой -
быть может здесь живет хоть кто-то прежний,
но годы, забирая, не щадят.
Здесь двое - брат с сестрой, а вот их дом,
в строю их мать, отец, друзья, соседи,
они в строю, и каждый жизнью бредит,
и каждый бредит ей в колонне той.
Вот кто-то вырывается, кричит,
почти живой, совсем еще ребенок,
На площади расстрелян полусонный,
под гул толпы смеются палачи.
Мать рядом с ним - все точно как тогда,
нет, есть одно - она уже не плачет,
все позади, но это ведь не значит,
что слезы те помогут смыть года.
А строй идет, и нет ему конца,
и нет начала, даже середины,

здесь миллионы, головы в сединах,
войною обожжённые сердца.
"Пусть мертвые..." – нет, хватит, так нельзя,
не убегай, взгляни на них, убитых,
сквозь них века свои пускают нити,
ну что стоишь? Ведь нечего сказать.
По площадям следы от них идут,
по улицам, переплетаясь в лужах,
их судьбы прочно въелись в наши души,
заполнив вековую пустоту.
Повсюду жизнь, но их поход иной,
Вокруг ребячий смех и шепот сада,
А строй идёт, идут вперед солдаты,
Солдаты, унесенные войной.
Запомните, пусть годы не щадят
ни их утрат, ни душ до крови стертых,
благодаря колонне этой мертвой,
живыми мы идем по площадям.